

МОЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Инна Алексеевна Сосулина (в девичестве Рыбушкина) в 1954 году окончила биологический факультет Горьковского государственного университета со специализацией по биохимии. Она живет в г. Королеве Московской области, куда приехала по направлению вместе с мужем, выпускником радиофака. Работала инженером, химиком-исследователем в научно-исследовательском институте. Инна Алексеевна активный корреспондент нашей газеты, пишет о своей юности, учебе в университете. Предлагаем вашему вниманию ее сюжеты.

ПОРУЧЕНИЕ

Шел январь 1945 года. Всем было ясно: войне скоро конец. Жить стало морально легче. Я жила в то время на ул. Невзоровых, училась в неполной средней школе № 20 на ул. Звездинка. Наша школа располагалась в старом деревянном здании дореволюционной постройки и работала в три смены. Все школьные здания с водопроводом и центральным отоплением были отданы под госпитали для раненых.

Недалеко от школы – стадион «Водник», он и в войну работал на радость детворе, простаивал без дела только по вечерам, потому что не было освещения. Училась я сразу в трех школах: в общеобразовательной, в музыкальной по классу фортепиано и в хореографическом училище при оперном театре им. А.С. Пушкина. Везде успевала, даже умудрялась быть отличницей и мечтала стать балериной.

Отец был еще на фронте, его мнения о моем будущем я не знала. В итоге балериной мне стать не довелось – отец был категорически против. Но в то время несколько человек из хореографического училища, в том числе и я, были отобраны для работы в оперном театре. По вечерам 4-5 раз в неделю участвовала в балетных спектаклях. Была загружена «по макушку»: уроки учила где придется и когда придется – в раздевалке театра, за кулисами, в школе на перемене, ночью дома при свечах. Спать приходилось мало, и это было самое тяжелое...

Зато за работу в театре нам выдавали продовольственные карточки по разряду рабочих горячих цехов! Это 800 граммов хлеба в день, когда по обычным детским карточкам получали по 350 граммов! И другие продукты выдавались в большем количестве. Мы знали, о нас заботилось руководство страны, все понимали, что занятия танцами – это изнурительный физический труд, тем более для детей. Я все так описываю, чтобы читатель понял, что мы, дети войны, жили по законам взрослых, дисциплина была железная и загружены мы были не по детски. Мне было 13 лет, из-за худобы глаза казались огромными, мама жалела меня и частенько говорила: «брось что-нибудь»! Но я любила и музыку, и балет, и школу.

Однажды, где-то в середине января 1945 года, меня вызвали к директору школы. Имя и отчество ее не помню, только фамилия осталась в памяти – Сабо, она француженка, ей тогда было 85 лет. Без предисловия директор сказала: «Инна, совет пионерской дружины остался без председателя. Пед-

совет и совет дружины выдвинули тебя, а председатель должен быть комсомольцем. Ты достойна, иди в райком комсомола, тебя примут в комсомол!» Я не на шутку разволновалась: «Я учусь сразу в трех школах, по вечерам работаю в оперном театре. Когда мой класс учится в третью смену, приношу справки, чтобы меня отпустили с уроков... Времени нет, чтобы заниматься общественной работой. Мне 13 лет, а в комсомол принимают с 14».

Но Сабо была непреклонна: «Не волнуйся, тебе помогут». В назначенное время я пришла в райком комсомола. В январе день короткий. Пришла, а света нет! Не каждый день включали электричество в школах и организациях. Электричество требовалось на заводы, в госпитали. Печи топили тоже не каждый день, а когда привезут дрова. В этот день дрова, видно, не привезли – было холодно. Сотрудники и посетители – все в пальто. Сажу в коридоре, жду, когда вызовут. Пригласили войти к первому секретарю райкома комсомола. За столом – две незнакомые девушки и наш преподаватель по физкультуре и военному делу. Были такие предметы в учебной программе в то время. Преподаватель – демобилизованный по ранению: потерял ногу на фронте, хромал, ходил на протезе.

Стали задавать вопросы, я отвечала, что не знаю, не помню, среди родственников комсомольцев не имею... Испугалась – не справлюсь. Вдруг от вранья мне стало нестерпимо стыдно. И я стала рассказывать, что папа и мама были активными комсомольцами в Сормовской ячейке в 1926–1929 годы, участвовали в политсатире, были одними из организаторов агитбригады «синезубчиков». Разве я смогу?

Меня попросили подождать... Вышла в коридор и расплакалась, решила уйти. Я была уже у выхода, когда услышала крик: «Инна, стой»! Наш преподаватель крепко схватил меня за руку, хромя, повел по коридору и решительно поставил перед столом. Я онемела от удивления и не могла поднять глаз от стыда. Сообщили, что меня приняли в ряды Коммунистического союза молодежи, поздравили, пожелали успешной работы и сказали, что будут помогать. И, действительно, помогали. Работали дружно. Я успевала учиться во всех трех школах. До сих пор с теплым чувством вспоминаю о друзьях-комсомольцах. Вся моя юность освещена комсомолом и в школе, и в университете!

АГИТБРИГАДА

Нас было три подружки: Луиза Бианки (по мужу Румянцева), Эльвина Демьянова (Салангина) и я, Инна Рыбушкина (Сосулина). Мы однокурсницы, поступили на

НА БИОСТАНЦИИ

биофак Горьковского университета в 1949, окончили в 1954 году.

Наша дружба продолжалась и после окончания университета. Луиза Петровна Румянцева-Бианки работала в Костромском сельхозинституте, заведовала кафедрой физиологии и биохимии растений (в 2006 году ее не стало). Эльвина Сергеевна и я дружим до сих пор, имеем семьи, детей, стали и бабушками, и прабабушками.

Эльвина Сергеевна Демьянова всю жизнь посвятила школе поселка Красные Баки Нижегородской области. 30 лет преподавала, 20 лет заведовала школьным музеем. Сейчас мы обе пенсионерки. Часто звоним, пишем друг другу, конечно, вспоминаем молодость, наш факультет, наших однокурсников и педагогов.

Ярких студенческих впечатлений много. Например, наши поездки с агитбригадой по деревням Семеновского района. Люди радовались нашим концертным номерам, но, что для нас было в первую поездку удивительным, ждали и душевных бесед. Перед следующими поездками готовились. Мы разъясняли политические вопросы, вступали в дискуссии, откровенные разговоры. Мы были комсомольцами, а это значило, что и спрос, и ответственность по большому счету.

ЛЕТО НА БИОСТАНЦИИ СТАРАЯ ПУСТЫНЬ

На биостанцию в июне 1950 года я приехала на неделю позже, чем мой курс. Знаю только, что все ехали поездом до станции Чернуха, а дальше топали пешком до биостанции 18 километров. Вещи на грузовой машине везли от университета до биостанции.

Опоздала. Сдав последний экзамен 30 мая 1950 года, свалилась с высокой температурой на неделю. 6 июня температура снизилась до 37 градусов, и я побрела в университет. Декан биофака Варвара Алексеевна Гусева определила меня в грузовую машину.

Дома быстро собралась, написала маме записку и возвратилась на биофак. Даже обедать не стала. Нас набралось 3 человека студентов. В кабине сидели шофер и представитель, сопровождающий груз. Груз – это мука, крупа, сахар, соль. На выезде из города по Арзамасскому шоссе нас остановил милиционер с просьбой вернуться в город, забрать из больницы на Откосе (бывшая Мартыновская) груз и доставить в деревню Арзамасского района. С транспортом в ту пору было очень трудно, милицию слушались беспрекословно. Доставили, не буду вдаваться в подробности...

Голодные, уставшие вернулись в Арзамас. Город старинный, дивный. Нам бы погулять, посмотреть собор, церкви, а надо ехать! Помню, каким сладким нам показался свежий ржаной арзамасский хлеб, буханку съели мгновенно.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА ВЕЛИКОЕ

Наконец добрались до биостанции. Встречали меня подруги Луиза Бианки и Лиля Салангина. Наша группа разместилась в даче № 5, что стоит особняком на берегу озера Великое. Красота неопишуемая. Мы так любили свою биостанцию, что все неудобства, которые сопровождали здесь, на практике, казались мелочами. Электрического освещения и радио не было, все как в 1934 году при основании биостанции.

Справлялись и с такой напастью, как комары. Спали мы на деревянных топчанах. Чехлы для матрасов и наволочки набивали сеном. У каждого свой, обязательно двойной, марлевый полог. Полог подвешивался под потолком, когда ложились спать, надо было полог подоткнуть под матрас. Это от комаров, иначе они не дадут уснуть.

На практике, в близости с природой, сухой книжный материал казался таким доступным, таким легким, удивительно интересным. Практические и лекционные занятия вели удивительные люди и педагоги: Петр Андреевич Суворов, Александра Дмитриевна Смирнова, Екатерина Васильевна Лукина, Людмила Александровна Привалова, Зоя Никандровна Горохова, Вера Ивановна Есырева. Не жалея своего времени, они приобщали нас к живой природе, ее разнообразию и таинствам.

Здесь все мы жили единой семьей, общались и в свободное от учебы время. Как же это общение помогало потом в жизни, ведь именно в общении со старшими товарищами, которые своим поведением, манерами источали интеллигентность, добросердечие, порядочность, мы учились жить. Здесь у всех была и душа, и двери нараспашку. Что и говорить, на всей территории, кажется, имелось всего-то два замка – на дверях столовой и дома директора Михаила Игнатьевича Зябрева.

Не припомню каких-то больших ЧП, но даже маленькие неприятности собирали коллектив в какую-то непомерную силу, помогающую одолевать беду. Наши стенгазеты и оперативные «Молнии» подмечали, казалось, все – неряшливо вымытую посуду после обеда, прогулы занятий, неопрятную одежду... Обязательно назывались фамилии. Помогало. Сказанное старшим товарищем «Ведь ты комсомолец!» казалось строгим предупреждением.

Утро на биостанции для первокурсников начиналось с пробудки в 7 часов, а для второкурсников с 4 часов утра. Каждый курс примерно 50 человек. На 1-м курсе мы постигали ботанику, на 2-м курсе – зоологию, куда входила орнитология.

Соблюдался строгий порядок дежурства по биостанции, включая и дежурство ночью (обязательно с преподавателем), и дежурство по столовой: мытье посуды, чистка картошки и прочее. По утрам зарядка под аккордеон. Обязательно.

Были среди нас заядлые спортсмены, у них особые тренировки, кстати, для этого на биостанции были все условия. Все остальные играли в волейбол. Купались, катались на лодках по живописному озеру Великое, иногда устраивали гонки на лодках. Много пели, тексты песен знали дословно, любили «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». До сих пор люблю.

Наши вечера отдыха! Танцы посменно под аккордеон или под баян. Не забыть танцы с переодеванием. Музыканты свои – студенты 1-го и 2-го курсов. Танцевали кто на веранде, кто на траве, кто в какой обуви – не обращали внимания на такие мелочи. Какое было чувство единения, товарищества, открытости!

Подготовила Л. ВЕДЕРНИКОВА,
сотрудник Музея ННГУ